

**КАНТОВЕДЕНИЕ
В КЁНИГСБЕРГЕ:
1784—1948¹ ГОДЫ**

А. С. Зильбер*

Впервые в философской литературе дается общее описание кёнигсбергского кантоведения как особого локального направления в истории философии. Ядро этого направления образовано деятельностью Общества друзей Канта, а также «архивным кантоведением» – работой по сбору, комментированию и публикации рукописного наследия, переписки и конспектов лекций Канта. С учетом значительного объема первичных и вторичных источников, предлагается вариант определения структуры кёнигсбергского кантоведения по четырем линиям деятельности: популяризации; биографическим исследованиям; сбору и публикации рукописного наследия и конспектов лекций; интерпретации и рецепции идей Канта. Подробно представлена история развития первой линии: популяризации философии Канта. Описана деятельность К. Розенкранца и «Общества друзей Канта», история создания книг И. Шульца и К. Штафенхагена, статей, докладов и брошюр О. Шёндёрфера, Р. Брюкмана, а также охарактеризовано их содержание. Показано, что популяризаторская работа во всех ее проявлениях была актуальной и велась с первых до последних лет существования этого направления, сыграла большую роль в возникновении и развитии других линий деятельности, а также в истории философии вообще и в культурной жизни Кёнигсберга. Приведен авторский перевод ряда фрагментов из описанных публикаций. Намечены перспективы дальнейшей разработки и детального анализа описанных сочинений, для которых данная статья может послужить ориентиром.

Ключевые слова: кёнигсбергское кантоведение, популяризация, Общество друзей Канта, К. Розенкранц, И. Шульц, Р. Брюкман, О. Шёндёрфер, К. Штафенхаген.

Об общей классификации

Родной край Канта часто упоминается в связи с тем, что философ провел в нем всю свою жизнь, и гораздо реже, когда речь идет о его идеях, об истории их

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта.

Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 05.02.2014 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2014-3-7

© Зильбер А. С., 2014

¹ Исследование проведено в рамках совместной программы DAAD и Министерства образования РФ «Иммануил Кант» (гос. задание 11.7130.2013). Автор статьи выражает благодарность куратору проекта проф. В. Штарку (Марбургский университет), проф. А. Н. Круглову (РГГУ) и проф. М. Е. Соболевой (Альпийско-Адриатический университет), А. Г. Пушкарскому (БФУ им. И. Канта).

восприятия. В вопросе о связи Канта с его малой родиной есть два аспекта: каким образом она повлияла на него, и как он был ею воспринят. Сами кёнигсбергские философы замечали в трудах Канта и элементы восточно-прусского диалекта, на котором он, разумеется, и говорил (Jachmann, 1974, S. 155; Stavenhagen, 1949, S. 36), и даже влияние местного менталитета². Сегодня удивительно звучит вывод о том, что Кант ориентировал свои сочинения на читателей из северогерманских земель, употребляя элементы диалектной орфографии и того языка, которым пользовались местные представители высших сословий, «когда переходили на более сердечный тон общения» (Rosenkranz/Schubert, 1838, S. XVII–XVIII). Не менее удивительно четкое представление о некоем восточногерманском менталитете, на которое опирались в оценке идей Канта и К. Розенкранц в первой половине XIX века (Rosenkranz, 1840, S. 98–99), и А. Ковалевски в 1924 году (Kowalewski, 1998, S. 6–10).

О существовании кёнигсбергского кантоведения можно говорить с полной уверенностью, его представителей – несколько десятков, хотя наиболее выдающихся фигур, сформировавших специфику, не более десяти. Именно их труды позволяют говорить не просто о кантоведческой работе в Кёнигсберге, но об особом местном направлении, ядро которого – работа с наследием Канта, с его рукописями и конспектами лекций. Она велась (и ведется) отнюдь не только в Кёнигсберге, но именно этот город, где Кант жил и преподавал, был главным источником сбора и одним из главных мест хранения этих материалов. Наиболее активно кантоведческая работа проходила во второй половине XIX и начале XX века (Stark, 1993, S. 71, 81), и осталась незавершенной, собрание не было полностью опубликовано и пропало в 1945 году, возможно, сегодня оно хранится в неразобранных фондах библиотек или музеев Москвы и Санкт-Петербурга среди материалов, вывезенных из Восточной Пруссии (Круглов, 2014). Также к ядру кёнигсбергского кантоведения относится деятельность «Общества друзей Канта» (она освещена ниже), которое во многом способствовало упомянутой архивной и другой работе.

О местном кантоведении вести речь можно, а вот было ли местное кантианство особой школой или хотя бы рядом самостоятельных интерпретаторов – это отдельный непростой вопрос, который мы здесь рассматривать не будем. Прежде чем перейти к истории одной из линий развития кёнигсбергского кантоведения, представим его кратко в целом. Общего обзора этого направления в мировой философской литературе еще не было сделано, существуют несколько более или менее полных описаний отдельных фрагментов его истории (Rosikat, 1914; Vorländer, 1918; Malter, 1993; Stark, 1993; Tilitzki, 2004). Все они могут служить хорошей основой для составления целостной картины, тем не менее для ее полноты и достоверности нужны дополнения и уточнения материалом из других первичных и вторичных источников.

Деятельность кантоведов, кантианцев и просто ценителей Канта в Кёнигсберге довольно велика по объему и очень разнообразна по характеру. Для удобства последующего обращения к этой теме предлагаем следующий вариант классификации: если в целом кёнигсбергское кантоведение

---

² Более подробно, с цитатами из упомянутых и других источников, см. в докладе председателя «Общества друзей Канта и Кёнигсберга» Г. Хорста «Кант как житель Восточной Пруссии» (Хорст, 2009).

считать направлением, то внутри него можно обозначить четыре линии работы. Они все достаточно самостоятельны, однако в большинстве случаев взаимосвязаны и оказали заметное влияние друг на друга. Выделение этих линий условно, они порой пересекались в деятельности конкретного человека, а в целом существовали параллельно в течение почти всей истории кёнигсбергского кантоведения, от 70-х годов XVIII века до 40-х годов XX века. Нумерация в условном порядке «от простого к сложному», конечно же, с осознанием того, что популяризация нередко бывает более трудной работой, чем исследование чисто специальное. Итак:

1. Популяризация философии Канта.
2. Сбор и публикация биографических сведений.
3. Разыскания и издание рукописного наследия и записей лекций.
4. Интерпретация и рецепция кантовских идей в философских трудах.

Порядок этот оправдан еще и хронологически: первым событием в кантоведении вообще, если говорить о критическом периоде творчества Канта, стала публикация в Кёнигсберге книги «Разъясняющее изложение Критики...» (Schultz, 1784). Далее, после смерти философа происходит всплеск публикаций различных свидетельств о его жизни, большинство которых от жителей Кёнигсберга (Vorländer, 1918). Почти одновременно возникает «Общество друзей Канта», которое вполне можно назвать популяризаторским (Malter, 1993). Позднее, с конца 30-х до 60-х годов XIX века проходит становление третьей линии деятельности, которое можно назвать «архивным кантоведением» (Stark, 1993, S. 64, 71, 81). Четвертая линия возникает позже всех, хотя в лице первого представителя (Розенкранц) уже одновременно с третьей. Она стоит особняком в том смысле, что ее достижения изучены наименее всего, и ее характеристика требует серьезного анализа (Зильбер, 2014, с. 788). Остальные линии известны и описаны лучше, с уверенностью можно сказать, что в каждой из них кёнигсбергские исследователи и общественные деятели сыграли на мировом уровне значительную роль в сохранении и распространении наследия Канта и памяти о нем.

Ниже, в соответствии с предложенным порядком, предпринимается попытка представить первую линию деятельности кёнигсбергских кантоведов — популяризацию философии Канта в статьях и книгах, докладах и обзорных лекциях в университете, на собраниях «Общества друзей Канта», в памятные даты. При этом за рамками статьи останутся юбилейные мероприятия, которые проводились в Кёнигсберге в 1804, 1864, 1881, 1924 годах, а также юбилейные сборники статей о философии Канта, выпущенные в 1904-м и 1924-м. Эти события занимают немаловажное место в философской жизни Кёнигсберга, и не хотелось бы описывать их вскользь на нескольких страницах. Что же касается популяризации, то тексты и судьбы занимающихся этим вопросом авторов будут представлены «в первом приближении», то есть прежде всего фактографически, в историческом контексте и общей характеристике, без полноценного анализа содержания работы.

Из первых читателей «Критики чистого разума»: И. Шульдц

К моменту первого издания «Критики чистого разума» в 1781 году Кант уже был достаточно известен как философ в различных кругах общества Германии, а в Кёнигсберге еще и как приятный собеседник и светский че-

ловек³. Его неоднократно приглашали на работу в другие города. Но с публикацией Канту не всегда везло: на несколько лет растянулась печать его первой работы «Мысли об истинной оценке живых сил» (1746–1749), затем из-за банкротства издателя арестовали тираж «Всеобщей естественной истории и теории неба» (1755). Первые плоды критического периода творчества Канта стали остро нуждаться в популяризации, и первая серьезная попытка осуществить ее была предпринята именно в Кёнигсберге профессором математики и придворным проповедником Иоганом Шульцем (1739–1805). Биографические справки склоняют к выводу, что он, как и Кант, никогда не покидал пределов Восточной Пруссии (Gause, 1936). Родился в селении Мюльхаузен (Mühlhausen)⁴, учился в той же гимназии, что и Кант, а затем был его учеником в университете, где изучал теологию и математику. В течение девяти лет служил пастором в местечках Штаркенберг (Starkenberg) и Лёвенхаген (Löwenhagen)⁵, в Кёнигсберге с 1775 года, защитил докторскую диссертацию (габилитационную) по акустике, в 1787 году сменил Бука (когда-то «перешедшего дорогу» Канту) на должности профессора математики. Автор нескольких сочинений в области математики и теологии, в том числе философских (о «пустом» пространстве, об основаниях «чистой» математики, механики и естествознания). Но главной его заслугой сегодня называют именно популяризацию философии Канта.

Ситуацию с «Критикой чистого разума» ясно описывает сам Кант в письме к М. Мендельсону от 16 августа 1783 года: результаты двенадцатилетних размышлений были обработаны за 4–5 месяцев «с величайшим вниманием к содержанию», и гораздо меньшей заботой о его доступности для понимания читателем. Стилистическая проблема со временем может быть устранена, полагал Кант, а передать содержание он торопился, полагая, что уже стар, и если будет заботиться сразу о всех сторонах своего сочинения, то может вообще не успеть опубликовать его (AA, X, S. 323). По этой причине Кант не рассчитывал на сенсацию, но реальность превзошла худшие ожидания: «...книгу не заметили. Продавалась она так плохо, что Харткнох подумывал о том, не пустить ли остаток тиража на макулатуру» (Гулыга, 1977, с. 131).

Качественных рецензий с адекватной оценкой сути «Критики» в первые годы не было. Молчали (по разным причинам) те, на чей отклик Кант

---

³ В возрасте около 40 лет он популярный лектор и модный автор (Гулыга, 1977, с. 72), нередко играет в карты и возвращается домой около полуночи. Если не приглашен — обедает в ресторане в обществе нескольких образованных людей (Кассирер, 1977, с. 49). Один из ресторанов он даже «начал обходить стороной с того самого момента, когда там стали собираться люди, которые, как ему казалось, хотели, чтобы он и там читал им лекции и отвечал на их вопросы» (Borowski, 1974, с. 74).

⁴ В Восточной Пруссии было два таких селения, в каком из них родился Шульц, — нам неизвестно. Оба основаны в XIV веке: нынешнее Гвардейское в Багратионовском районе (справка на сайте об истории и культуре Восточной Пруссии «Ostpreußen» по адресу: URL: <http://www.ostpreussen.net/ostpreussen/orte.php?bericht=1107>, дата обращения: 13.01.2014) и нынешнее Млынары (Mlynary) на территории Польши (URL: <http://www.ostpreussen.net/ostpreussen/orte.php?bericht=770>, дата обращения: 13.01.2014).

⁵ Сегодня соответственно поселки Красноборское и Комсомольск в Гвардейском районе Калининградской области, основанные в конце XIV века. В Красноборском сохранились остатки кирхи (URL: <http://www.ostpreussen.net/ostpreussen/orte.php?bericht=1347>, дата обращения: 13.01.2014).

мог рассчитывать: Тетенс, Герц, Мендельсон (Vorländer, 1992, Bd. 1, S. 286–287). С появлением «Пролегоменов» ситуация едва ли изменилась⁶. Их как раз следует рассматривать как попытку автора решить упомянутую им задачу популяризировать свое собственное изложение, впрочем, как он и сам заявляет в первых строках, попытка эта была очень ограниченной. В августе 1783-го Кант в письме Шульцу жалуется на то, что «почти никем не понят», и выражает опасение, что «весь труд был напрасен» (АА, X, S. 329).

Шульц в 1772 году «опубликовал рецензию на последнюю диссертацию Канта и заслужил его похвалу...⁷. Ему был послан экземпляр первой «Критики...»⁸; ответ пришлось ждать два года. <...> Основательно проштудировав труд Канта, Шульц написал обстоятельную рецензию. Перед опубликованием он послал ее Канту <...> Кант был обрадован <...> что нашелся наконец человек, правильно его понявший⁹. Он рекомендовал Шульцу, сделав ряд добавлений, выпустить работу отдельным изданием... Рецензия превратилась в книгу» (Гулыга, 1977, с. 136).

Таким образом, книга Шульца написана с учетом «Пролегоменов» и по первому изданию «Критики». Опубликована она в 1784-м (Schulz, 1784). В предисловии автор не скупится на похвалу Канту и заявляет, что эта книга, ввиду новизны понятий и языка, «не может быть популярной и понятной каждому...», однако странно, «что ее рассматривают чуть ли не как книгу за семью печатями, которую никто не в состоянии открыть. <...> эта столь темная система «Критики Разума» стала для меня в течение 3/4 года, благодаря повторному чтению и размышлению, столь же ясной и понятной, как и всякая другая система из продуманных мною раньше...» (Шульц, 2010, с. 1–2).

При написании рецензии Шульц старался обойтись без «новых искусственных терминов», но при подготовке книги стал «разъяснять при каждом вопросе относящиеся к нему новые термины», чтобы саму «Критику» можно было уже не читать, при этом зная все ее содержание (Шульц, 2010, с. 5). Разъяснения уместились на полутора сотнях страниц. В «первом отделе» довольно подробно воспроизведено содержание «Критики»; структурное деление при этом упрощенное: два параграфа о трансцендентальной аналитике, по три — о трансцендентальной диалектике и учении о методе. «Второй отдел» можно назвать авторской оценкой «Критики»: «Опыт некоторых руководящих указаний для ее ближайшего исследования». Здесь излагаются пять задач (вместе с напоминанием о скептицизме Юма), и их решение Кантом, которое объявляется вполне удачным, а задачи — в лю-

⁶ В предисловии к «Разъяснениям» Шульц пишет, что «Пролегомены» «представляются нам в некоторых местах слишком подробными... Автор оказался здесь темным исключительно потому, что хотел быть слишком ясным. Однако в большинстве случаев «Пролегомены» и сами по себе совершенно не понятны, но необходимо предполагают уже знакомство с «Критикой» и сравнение с ней. А это сравнение есть до такой степени кропотливое и трудное дело...» (Шульц, 2010а, с. 6).

⁷ Кант рассказывает о Шульце в письме Герцу 21 февраля 1772: «самый лучший философский ум из тех, кого я знаю в нашей округе». После этой характеристики подробно излагаются пункты, в которых Шульц тогда, в начале 1770-х, все же понял Канта неверно (АА, X, S. 128).

⁸ В августе 1781 года.

⁹ «Вы с такой широтой взгляда везде сумели выделить самое важное и существенное и правильно понять смысл всех моих утверждений», — писал Кант в ответ (Шульц, 2010, с. 4).

бом случае важными уже сами по себе (Шульц, 2010, с. 114). Завершается этот отдел общими выводами о значении «Критики» и указаниями к дальнейшей работе в открытой ею области: «И разве эта система не находится в наилучшем согласии даже с христианской религией? <...> следует признать доказанным и то, что все метафизические возражения против таинств религии суть не что иное, как пустые софизмы...»¹⁰ (Шульц, 2010, с. 145).

Аподиктические доказательства того, что никакой метафизики еще не существует, следует или признать, или опровергнуть: нужен «разбор самый строгий и точный». Даже в случае опровержения «Критика» создаст эпоху в метафизике, по крайней мере, дав направление поиска. Далее излагаются и поясняются шесть правил, которыми, по мнению Шульца, непременно следует руководствоваться философу в критической работе. Среди них любопытны следующие:

1. Не следует жаловаться на недостаток популярности, который является характерным для исследований, составляющих предмет «Критики» (Шульц, 2010, с. 141).

2. Проверить «Критику разума» по ней самой и по ее собственному методу, <...> основательная проверка «Критики разума» должна быть столь же трудной, даже может быть еще более трудной, чем она сама... (Шульц, 2010, с. 142).

3. При разборе ее следует пользоваться умозрительным методом и воздерживаться от всяких взглядов в сторону какого-либо практического интереса (Шульц, 2010, с. 143).

В упрощении языка автору явно удалось соблюсти меру; встречаются и предложения не менее длинные, чем у Канта, но ход мысли, конечно, более простой, и разъясняющий характер всецело соблюдается. Попытки опровержения идей «Критики», как мы знаем, не заставили себя долго ждать и вскоре зашли очень далеко. Несмотря на этот призыв к свободной проверке, Карл Форлендер называет книгу Шульца несамостоятельной, и по этой причине отрицает ее ценность для своих современников. Сам Кант в письме к своему оппоненту Шлеттвайну от 29 мая 1797 года назвал Шульца тем, кто понимает его именно так, как он хочет быть понятым (АА, XIII, S. 367).

«Разъяснения» изданы на русском языке в 1910-м (репринт 2010) под редакцией Б. Фохта, который отмечает, что это сделано для распространения аутентичного понимания «Критики» в противовес превратным ее тол-

---

¹⁰ Проповедник Шульц не мог обойти этот момент стороной, и в этом мнении он не был одинок. К примеру, И. Якоб писал следующее: «...в самом разуме всё же находятся достаточные субъективные основания... никакая софистика не может что-либо предпринять против такой разумной веры». Однако общую степень «согласия» философии Канта с христианством нельзя оценить как «наилучшую», и трудно найти подтверждения тому тезису, что «...исходящий от Канта рационализм... оставался в течение почти полувека господствующим направлением в евангелической церкви» (Форлендер, 2011, с. 437). То же касается поиска прямых истоков идей Канта в протестантизме. «Однозначное вписывание Канта в протестантский контекст сталкивается с заметными затруднениями», как видно на примере Гердера, который резко осуждал всю критическую философию (Круглов, 2009, с. 429). На рубеже XIX – XX веков эта критика подзабылась, и Канта стали называть «философом протестантизма» даже сами его представители, однако в наше время он вытеснен из области их интересов (Круглов, 2009, с. 436). В католицизме сегодня противоположная тенденция, хотя вначале существовали две взаимоисключающие позиции восприятия Канта (их полюсами можно назвать Штаттлера и Ройса), и в XIX веке победила отвергающая (Круглов, 2009, с. 436 – 445).

кованиям (Шульц, 2010, с. 1). Перевод сделан с немецкого переиздания 1897 года. Оно было уже третьим¹¹. Второе издание 1791 года выполнено при участии автора с некоторыми улучшениями (рис. 1).

Рис. 1. Титульный лист
«Разъяснений
к "Критике чистого разума»
(2-е изд., 1791)

В Интернете «свободным творческим объединением bel-labs» с помощью компьютерного распознавания текста¹² опубликован русский перевод в современной орфографии. В него добавлены схемы и таблицы, дополнительные подзаголовки для ориентирования, значения некоторых терминов поясняются при помощи сопоставления различных переводов «Критики...», выполненном в издании под редакцией В. А. Жучкова в 1999 году.

Насколько «Разъяснения» решили свою задачу в середине 80-х годов XVIII века? По оценке К. Форлендера, книга едва ли стала известной за пределами Кёнигсберга (Vorländer, 1992, Bd. I, S. 288), а «Критика» стала обретать популярность и понимание, только когда в Йене был опубликован ее «доброжелательный и одновременно аналитический» обзор. Однако то, что многие называют обзором «Критики», — и по содержанию это справедливо, — формально было обзором именно книги Шульца, и именно так называ-

ется! Он был опубликован профессором Щютцем в июле 1785-го на 20 страницах «Йенской всеобщей литературной газеты» (Schütz, 1785), которая была основана Щютцем в том же году (рис. 2). Было распространено мнение, что главные заслуги в распространении кантианства в Йене принадлежат Рейнгольду, но Х. Шрөпфер, не анализируя большой объем исторических свидетельств, показал (Schröpfer, 2003), что у истоков этого процесса стоял именно Кристиан Щютц¹³ (1747—1832).

¹¹ Фохт ошибочно назвал его вторым, а первое издание он датировал, видимо, 1791-м.

¹² Публикация размещена по адресу: URL: [http:// www.bellabs.ru/Books/Kantiana/](http://www.bellabs.ru/Books/Kantiana/) (дата обращения: 18.02.2014). Публикаторы надеются найти «специалиста, который сможет осуществить современную редакторскую правку и сверку перевода с оригинальным немецким изданием».

¹³ В 1773—1779 годах он был в Йене профессором философии, в 1779—1803-м — профессором риторики и стихосложения. В 70-х годах К. Щютц был вдохновителем в

Рис. 2. Первая страница рецензии К. Щютца на книгу Й. Шульца

На страницах его газеты с первого номера велась полемика о понимании критической философии (Schröpfer, 2003, S. 103), в 1785–1786 годах в этой газете был опубликован ряд рецензий на сочинения Канта, рецензия на «Разъяснения» была в этом ряду уже четвертой: ранее появился, к примеру, обзор «Основ метафизики нравственности». Более того, интерес читателей подогревался тем, что сам Кант числился в этой газете рецензентом: Щютц направил ему соответствующую просьбу еще в 1784-м (Schröpfer, 2003, S. 210–211).

Итак, трудно предположить, когда и в каком виде опубликовал Щютц свою рецензию на «Критику», если бы его не побудила книга Шульца. Реакция на идеи Канта в изложении этой рецензии была различной, от поддержки до скепсиса. Тем не менее можно констатировать, кёнигсбергские «Разъяснения» стали одним из прямых импульсов к возникновению Йенской школы раннего кантианства. Шульц на этом не остановился: в 1789 году он выступил в защиту критической философии от оппонентов с книгой «Проверка кантовской „Критики чистого разума“» (Schultz, 1789); она была дополнена и издана в 1791–1792 годах уже в двух частях (рис. 3).

круту молодых коллег, которые увлекались идеями докритического Канта и оценивали их как передовые, новаторские (Schröpfer, 2003, S. 6, 348). В 1783-м он уже упоминает обоснование веры в Бога и бессмертие души в «Критике чистого разума» как наиболее стойкое перед лицом беспощадного скептицизма того времени — об этом он пишет в одном из примечаний к переведенной Е. Я. Давоюсом книге А. Ж. Руссана «Письма в защиту христианской религии», которую взялся издать после внезапной смерти переводчика (Schröpfer, 2003, S. 112).

Рис. 3. Титульный лист «Проверки кантовской Критики чистого разума». 1792. 2-е изд. Ч. 2

Чтобы дать читателю представление об основных пунктах обсуждения КЧР, приведем заголовки текста (в самой книге оглавления нет) из первого издания «Проверки...» 1789 года (243 с.):

Предисловие	III–VI
Проверка введения [в «Критику чистого разума»]	
§ 1. Что такое суждения a priori?	3
§ 2. По каким признакам можно определить, что высказывание является суждением a priori?	8
§ 3. Что такое синтетические суждения?	28
§ 4. Существуют ли науки, в которых формулируются синтетические суждения a priori?	45
§ 5. Важность исследования того, как возможны синтетические суждения a priori	240

Этот текст входит в качестве первой части в издание 1791 года без изменений, с сокращенным предисловием.

Вторая часть «Проверки» (1792, повторно 1794; 296 с.):

Предисловие	III – VI
Проверка трансцендентальной эстетики	
<i>Раздел первый</i>	
§ 1 – 19. Доказательство того, что представления пространства и времени являются не всеобщими понятиями, а созерцаниями	3
<i>Раздел второй</i>	
§ 20 – 90. Доказательство того, что представления о пространстве и времени априорны	44
<i>Раздел третий</i>	
§ 91 – 103. Главное значение результатов проведенной проверки для теории чувственности	275

Как видно уже из названия книги — и подтверждается ее содержанием — Иоганн Шульц сам берется хотя бы частично решить поставленную им же задачу «самого точного и строгого разбора» положений кантовской характеристики наших познавательных способностей. Содержательно охватить удастся только введение к «Критике» и первую часть «Трансцендентального учения о началах», однако разбор очень обстоятельный¹⁴. В четвертом параграфе первой части «Проверки» доказывается наличие априорных суждений в «науках теоретического разума»: логике (априорные аналитические), математике и метафизике (априорные синтетические суждения). Большая часть этого параграфа — разбор ряда точек зрения на пространство в геометрии и психологии восприятия, метафизике отведено лишь две страницы из двухсот. На этом мы остановимся за неимением объема для более развернутой характеристики содержания книги и ее судьбы, объектов критики автора и степени его «самостоятельности» — все это может быть предметом отдельной статьи. Главные выводы следующие: продвинувшись вглубь содержания «Критики» удалось недалеко, а второй отдел «Разъяснений» и «Проверка» свидетельствуют о том, что интерпретация Канта Шульцем, с его призывом проверить саму «Критику» и реализацией этого призыва, обладает определенной самостоятельностью, и характер ее (независимое испытание или апология?) нуждается в уточнении.

В светском кругу: «Общество друзей Канта»

Следующий этап популяризации — появление в первом десятилетии XIX века «Общества друзей Канта». У истоков этой традиции стоит кёнигсбергский врач Вильям Мотерби, сын финансового советника Роберта Мотерби, одного из постоянных сотрапезников Канта, который с 1787 года ежедневно собирал гостей на обед¹⁵. Обычно это были один-два пригла-

¹⁴ И это не осталось незамеченным. Католический священник Андреас Метц, автор книги «Изложение основных моментов кантовского учения о началах» (Metz, 1802) многократно ссылается на эту книгу Шульца.

¹⁵ О том, каковы были основные принципы обеденного общения в доме Канта, см. доклад Н. В. Мотрошиловой на XI Кантовских чтениях, опубликованный по адресу: URL: <http://kant-online.ru/?p=1680> (дата обращения 25.04.2014). Об истории отношений Канта с семьей Мотерби см. статью Марианны Мотерби по адресу: URL: <http://kant-online.ru/?p=870> (дата обращения 25.12.2013). О культуре обеденного общения в Кёнигсберге вообще статья Йозефа Конена «Одно кёнигсбергское общество друзей без участия Канта» в журнале Кантовский сборник, 2013. № 4 (46). С. 76 – 86.

шенных (регулярные гости бывали один-два раза в неделю), в расширенном составе — до пяти человек, столько позволяло домашнее хозяйство Канта (Jachmann, 1974, S. 186). К таким особым случаям принадлежал день его рождения 22 апреля. В 1803 году, когда стремительно стареющий Кант прощался с широким кругом своего общения, число гостей в тот день достигло 22, многие приехали издалека (Malter, 1993, S. 84). День рождения Канта 22 апреля 1804 года отмечался официально в Альбертине как день его памяти, а через год, в 1805-м, все 22 гостя (по другим данным 25) были приглашены в частном порядке Вильямом Мотерби на обед памяти Канта в его доме, которым к тому времени уже владел трактирщик Майер. Почти все приняли приглашение. Решено было сделать такую встречу ежегодной:

Рис. 4. Портрет Роберта Мотерби

Рис. 5. Портрет
Фридриха Вильгельма Бесселя

из круга друзей родилось «Общество друзей Канта». Когда дом был перепродан зубному врачу, пришлось искать другие места встреч, часто они проходили в отеле *De Prusse*, а также в Доме Тевтонского ордена (*Deutsches Haus*) (Malter, 1992, S. 9).

Миссия общества «была изначально ясной», и устава в нем никогда не было, если не считать некоторых появившихся и менявшихся со временем установлений (обычаев и договоренностей) по подготовке и проведению заседаний (Malter, 1992, S. 10). Первой, изначальной задачей было поддержание той общительности, о которой так заботился сам Кант, и персональной памяти о нем. Ввиду этого «Общество друзей Канта» никогда не конкурировало с возникшим через 100 лет Кантовским обществом Германии, в том числе с его отделением в Кёнигсберге (Malter, 1993, S. 86). Второй задачей стало сохранение памяти о Канте в его родном городе, со временем «Общество» стало неотъемлемым фактором культурной жизни Кёнигсберга. К его заслугам относится забота о захоронении Канта: в 1810 году, прежде всего благодаря усилиям военного советника Шеффнера, на месте старого профессорского склепа была открыта прогулочная галерея, названная *Stoa Kantiana* (Malter, 1993, S. 91). Через полвека она заметно обветшала и была модернизирована к столетию «Критики

чистого разума» в 1881-м. Столетие со дня рождения Канта в 1824 году стало в Кёнигсберге довольно заметным праздником исключительно благодаря «Обществу друзей». В остальном культурном мире это было время «самого глубокого затишья по поводу Канта» (Malter, 1993, S. 92) в отличие от 200-летнего юбилея, который широко отмечался во многих городах и странах (Malter, 1992, S. 20–27). В середине XIX века члены общества и в

первую очередь К. Розенкранц активно продвигали проект памятника Канту, в итоге успешно осуществленный (Malter, 1992, S. 16–18), а в XX веке участвовали в организации торжеств 1904 и 1924 годов, в том числе в создании экспозиции четырех «кантовских» комнат в городском музее (Malter, 1992, S. 10).

В составе общества были преимущественно ученые, преподаватели университета, также теологи, государственные служащие и политики довольно высокого ранга (Malter, 1992, S. 10–11). Критерием для отбора новых членов никаких не было, такова была изначальная установка. В первые десятилетия, когда была актуальна исходная традиция, удавалось держать порог в 20–30 человек, но к началу XX века участников было уже 70, затем в некоторые годы даже около 100; сегодня, уже за пределами Кёнигсберга, «Общество» насчитывает около 80 человек (Malter, 1993, S. 89). Распорядитель праздничных заседаний общества вначале выбирался, затем в 1814 году астроном Фридрих Бессель предложил определять его случайным образом посредством запекания боба в пироге. Кому достается кусок с этим бобом — тот «бобовый король», а сидящие рядом с ним — его помощники, «министры». Предложение было поддержано, а общество и его ежегодные трапезы с тех пор получили второе название — «бобовые» (Malter, 1992, S. 10–11).

Изначально в обязанности «короля» входила общая организация праздничного вечера, подбор новых членов общества, а также произнесение главного тоста и назначение главного выступающего. Лишь в 1860-х годах роль оратора закрепилась за самим «королем». До той поры некоторые члены общества выступали значительно чаще остальных. Это преемник Канта на кафедре философии И. Ф. Герbart (6 раз), а также К. Розенкранц (14 раз подряд) и Ф. Шуберт (3 раза подряд), о которых будет подробнее упомянуто ниже. Идея праздничного доклада, ставшая центральной для «Общества», пришла рано, известны ораторы 1810-го и последующих годов, но акты заседаний 1806–1809 годов не сохранились. Обычная тематика речей — сообщения о жизни Канта и о чем-либо тесно связанном с его философией и ее распространением. Со

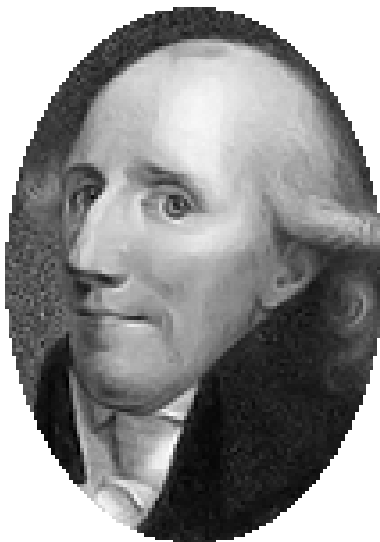

Рис. 6. Портрет Иоганна Георга Шеффнера

Рис. 7. Портрет Иоганна Фридриха Гербарта

временем «бобовые» речи стали не менее популярны, чем другие добрые дела членов «Общества»: заседания освещались в прессе, и текст речей печатался порой в тот же день (Malter, 1992, S. 9–11). В сборниках сохранившихся текстов выступлений до 1945 года, изданных под редакцией Рудольфа Мальтера, включены наряду с «бобовыми» (Malter, 1992) и речи, произнесенные на похоронах Канта¹⁶ и других собраниях различных лет 22 апреля и 12 февраля (Kopper, Malter, 1974).

В XX веке «Общество» часто собиралось в помещениях масонской ложи трех королей¹⁷ у Зацкого пруда, но в период национал-социализма масоны преследовались полицией, да и само «Общество» было объявлено реакционным (Tilitzki, 2004, S. 241–242). Судьба немецкого Кантовского общества в это время была печальна: с 1936 года оно продолжало функционировать лишь формально, но участь «Общества друзей Канта» — конечно же, ввиду его неформального характера — была намного более благоприятной, оно оставалось популярным даже в годы войны. Почти никак не изменился характер «бобовых» речей, хотя среди новых членов были активные сторонники национал-социалистического режима, преподаватели и ректор университета. «Бобовыми королями» становились неангажированные «друзья Канта» из старшего поколения (Tilitzki, 2004, S. 243).

В профессиональной среде: Карл Розенкранц

Существовавшее не первый десяток лет «Общество друзей Канта» оказало большое влияние на деятельность Карла Розенкранца. Это особая фигура, стоящая по своим заслугам в ряду наиболее выдающихся кантоведов XIX века не только в Кёнигсберге, но и во всем мире. В развитии кантоведения в этом веке можно выделить четыре основных этапа. Начальный этап — первое десятилетие 1800-х годов: всплеск биографических публикаций о Канте, зарождение «Общества друзей» — это события жизни Кёнигсберга. События последнего четвертого этапа — в конце века и за пределами Кёнигсберга: начало издания журнала *Kant-Studien* и академического собрания сочинений¹⁸. Ранее, во второй половине века (третий этап) — появление неокантианства, символом которого стала книга Отто Либмана «Кант и эпигоны» (1865). В Кёнигсберге примерно в то же время активизировались местные архивные разыскания конспектов лекций Канта и уточняющих свидетельств о деталях его жизни. Что происходило в промежутке около 40 лет между первым и третьим этапами? Этот период малоизвестен в истории восприятия философии Канта, незаслуженно забыт. Это время кантоведческой работы К. Розенкранца и Ф. В. Шуберта (второй этап), начатой в конце 1830-х. Связана ли она с соседними этапами? Да, и некоторые нити этой связи даже лежат на поверхности.

¹⁶ Это событие (в том числе тексты выступлений) освещено в отдельной брошюре: Die Todtenfeier Kant's / hrsg. von E. G. A. Böckel. Königsberg, 1804.

¹⁷ Она действовала уже во времена Канта, а вышеупомянутый И.Г. Шеффнер вошел в ее состав еще в годы Семилетней войны, и остается, пожалуй, наиболее известным ее членом.

¹⁸ Краткий обзор истории собраний сочинений Канта представлен в статье Норберта Хинске (в перев. А. Круглова) «Растроченные годы. Еще раз о достижениях, проблемах и недостатках академического собрания сочинений Канта» (Кантовский сборник, 2013. № 3 (45). С. 103–111).

Карл Розенкранц (1805–1879) родился 23 апреля 1805 года в Магдебурге, изучал теологию, филологию, философию и естественные науки в Берлине, Халле и Гейдельберге. В течение всей жизни он наряду с занятием философией писал очерки и читал лекции на темы истории и современных явлений искусства и даже выступил беллетристом и драматургом¹⁹. В 1828–1829 годах в Халле Розенкранц одну за другой защищает диссертации (докторская – о Спинозе), преподает, в 1831-м получает место профессора в Халле, с 1833 по 1874 года он профессор философии в Кёнигсберге. На этом «кантовском» месте он стал третьим после В. Т. Круга (1805–1809) и И. Ф. Гербарта (1809–1833).

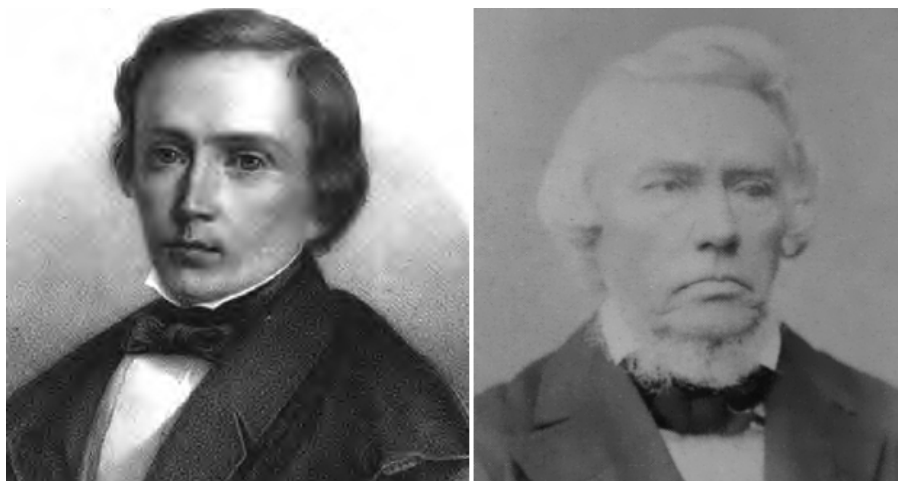

Рис. 8. Портреты Карла Розенкранца

Карл Маркс, по воспоминаниям Франциски Кугельман²⁰, «говорил, что, по словам самого Гегеля, ни один из его учеников не понял его, кроме Розенкранца, да и тот понял неправильно...» (Коротеева, 1956, с. 288). В гимназии среди учителей Розенкранца был гегельянец Йоханнес Шульце, с которым он потом переписывался в течение нескольких десятилетий. В университете первым интересом Розенкранца была история литературы, учеником же самого Гегеля он никогда не был, хотя и слушал его лекции, а идеями его проникся под влиянием К. Дауба и Г. Ф. В. Гинрихса (Butzlaff, 2005, S. 70). В начале карьеры, в Халле, Розенкранц состоял в старогегельянском «Обществе нерешенного дела». «Учитель», даже если действительно оценил своего «ученика», умер в 1831 и уже не мог знать, как повлияла на этого «ученика» жизнь в Восточной Пруссии. В Кёнигсберг Розенкранц ехал с намерением распространить гегельянство, но здесь оно, в том числе благодаря «раннепозитивистской» критике со стороны Гербарта, «осталось не более чем слухом» (Dietzsch, 2005, S. 3).

¹⁹ См.: например, комедию «Центр спекуляции»: Rosenkranz K. Das Centrum der Speculation: eine Komödie. Königsberg, 1840.

²⁰ Дочь Людвиг Кугельмана, друга К. Маркса, написала свои воспоминания по просьбе Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1928 году (Коротеева, 1956, с. 286–287). Такое же высказывание встречается об ученике Гегеля Эдуарде Гансе (Eduard Gans, 1798–1839), который умер в 1839 году, когда Людвигу Кугельману было 9 лет.

Кантианство в Альбертине тоже не имело прочных позиций (Tilitzki, 2004, S. 192). С 1807 по 1905 год в университете было защищено всего пять диссертаций на темы философии Канта. Лекционных курсов на эти темы не было с 1808 по 1826 год. Розенкранц не стал исключением, все его заслуги в кантоведении — за пределами академической аудитории, специальных курсов о Канте он не читал. В 1821 году была учреждена ежегодная премия за лучшую студенческую работу на тему из кантовских сочинений. Текст премированной работы зачитывался в большом зале университета как торжественная речь в память о Канте. Работ на конкурс поступало в среднем около десятка, при небольшом общем количестве студентов университета это было немало. Но к концу века эта традиция полностью угасла, и в юбилейном 1904 году городские власти учредили новый конкурс.

В мировоззрении Розенкранца многое изменилось уже за первые годы жизни в Кёнигсберге, и не только философские взгляды. Однако в целом его творчество нельзя отнести ни к одной философской школе, он и не стремился ни состоять в них, ни возглавить одну из них (Dietzsch, 2005, S. 7). Он один из немногих в философии природы оценивал по гегелевским принципам данные, полученные в опыте, и в то же время публиковал книги «Критические разъяснения гегелевской системы» (1840), «Моя реформа гегелевской философии» (1852). В конце 1850-х при обсуждении его «Науки о логической идее» берлинские гегельянцы заметили в представленной в ней теории субъекта сильное отклонение от принципов Гегеля, которое является даже «более кантианским, нежели сам Кант» (Dietzsch, 2005, S. 8). Однако принятие кантианских элементов проходило не без борьбы, в результате которой у Розенкранца стало складываться понимание Канта и Гегеля как крайних звеньев одной цепи, как мыслителей одной эпохи и одного направления, которое развивалось от первых кантовских вопросов к итоговым гегелевским ответам на них. Долгое время это линейное видение было чрезвычайно популярным в истории философии, и в целом Розенкранц одним из первых усмотрел единство «немецких классиков», которые для своих современников выглядели очень различными (Dietzsch, 2005, S. 9). Хотя явно эта идея была выражена (одновременно и как метод, и как вывод), только в 1921 году Рихардом Кронером в объемистом двухтомном труде «От Канта до Гегеля» (1921). Во введении, говоря о тех предшественниках, чьи выводы ему близки и послужили источником, Кронер ни разу не упоминает Розенкранца, но ссылается прежде всего на Бидермана и Виндельбанда. Историкам философии XIX века, по мнению Кронера, не доставало объективности во взгляде на общую динамику развития немецкого идеализма. Несмотря на то что упоминаемая работа Бидермана «История философии от Канта до нашего времени»²¹ издана в 1842 году.

Итак, Гегель, в понимании Розенкранца, «завершитель идей Канта» и первый классический немецкий философ (Rosenkranz, 1870, S. 18–23). Кант — первый «классический» философ нации, Гегель рангом выше: «национальный» философ. «Примечательно, — писал Розенкранц вдове Гегеля Мари, — что *сначала* я должен написать историю именно Кантовой философии, потому что невозможно придумать что-то лучше и основательнее для подготовки к пониманию Гегеля» (Dietzsch, 2005, S. 9). Розенкранц опубликовал биографию Гегеля в 1844-м, а перед этим работал над изданием первого собрания сочинений Канта. Вот первые строки предисловия к этому изданию:

²¹ Biedermann Z. B. C. Die deutsche Philosophie von Kant bis auf unsere Zeit : in 2 Bdn.

В Кёнигсберге существует общество людей, в составе которого есть непосредственные ученики и друзья Канта, а также просто его почитатели, они торжественно отмечают день рождения этого великого человека. Я имею честь состоять в этом обществе. В 1836 году президент общества поручил мне произнести традиционную праздничную речь. Долгое время я не мог определиться с темой, но внезапно решил поднять вопрос о собрании сочинений Канта, которое стало бы для него вторым рождением в литературном смысле. Эту идею сочли очень своевременной. В суматохе других дел я ее оставил, но в 1837-м послал текст речи, лишь только придав ему характер статьи, господину другу Т. Мундту, для второго тома *Dioskuren*²², редактором которых он был. Этот текст действительно напечатан там на страницах 18–36. Едва они поступили в продажу, господин Леопольд Фосс из Лейпцига написал мне о том, что уже несколько лет он вынашивает идею сделать достойное собрание сочинений Канта; <...> но вместе с тем я был озадачен, поскольку уже на пороге этой затеи настолько сильно ощущал сложность ее исполнения, что начал сильно сомневаться в моей способности это сделать (Rosenkranz, 1838, S. VII).

Таким образом, философия Канта находила себе дорогу с помощью тех, кто помнил и ценил его как преподавателя, друга и приятного собеседника. Размышляя о том, с кем можно посоветоваться, Розенкранц вспомнил о коллеге по факультету, историке Фридрихе Вильгельме Шуберте (1799–1868), который также был членом «Общества друзей...», и в начале того года получил доступ к наследию Канта, хранившемуся в Королевской университетской библиотеке Кёнигсберга²³. Шуберта Розенкранц застал, как он пишет, «чудесным образом» (Rosenkranz, 1838, S. VIII) за работой над статьей «Иммануил Кант и его отношение к политике».

Первый том собрания сочинений был напечатан в 1838 году, последний, двенадцатый – в 1842-м. Всего в этом издании 14 томов: 7-й и 12-й в двух частях. Каждый том с работами, опубликованными при жизни Канта, открывается предисловием от Розенкранца. Особо ценны последние тома, например одиннадцатый, первая часть которого содержит письма, объявления, фрагменты из рукописного наследия, вторая – биографию Канта, составленную Шубертом во многом с использованием архивных материалов (Schubert, 1840). Работа над ней потребовала много больше времени, чем предполагалось. Это первая попытка систематического и достоверного описания всей жизни философа, все прочие его биографии в то время были воспоминаниями и наблюдениями его знакомых и современников. В 12-м томе – та самая «История Кантовой философии» от Карла Розенкранца (Rosenkranz, 1840), о которой он писал вдове Гегеля. Этим собранием сочинений были открыты некоторые ранее недоступные общественности материалы и в целом заложена необходимая основа дальнейшего систематического изучения философии Канта. Толкование Канта Розенкранцем представляет несомненный историко-философский интерес. Рукописное наследие этого выдающегося «кёнигсбергского гегельянца» пропало в 1945 году вместе со многими другими материалами, хранившимися в Государственной и Университетской библиотеке Кёнигсберга (Butzlaff, 2005, S. 71) (рис. 9).

²² Журнал «*Dioskuren für Wissenschaft und Kunst: Schriften in bunter Reihe*».

²³ По адресу Königstraße 65/67. До 1810 года Замковая («Королевская») и Университетская библиотеки существовали отдельно, с 1919-го единая библиотека называлась «Государственная и университетская».

Рис. 9. Титульные листы первого тома собрания сочинений Канта (слева) и сборника работ Розенкранца *Neue Studien*

На заседаниях «Общества друзей Канта» профессор Розенкранц неоднократно выступал с речами и докладами, которые затем были напечатаны в сборниках *Studien* (1839, Т. 1; 1844, Т. 2) и *Neue Studien* (1875–1877, Bd. 1–3). Вот их темы:

1. Шиллер и Кант (1838).
2. Кант и свобода прессы (1843).
3. О Кантовом описании неизбежного антагонизма между тремя высшими и низшим факультетом наших университетов (1844).
4. О проекте памятника Канту в Кёнигсберге (1852).
5. О первом и втором издании Кантовой «Критики чистого разума» (1856).
6. Кант и Гаман: об одной параллели (1858).

В проектировании памятника Канту Розенкранц принимал непосредственное участие. Будучи одним из шести членов совещательной комиссии, он выступал за установку монумента к 600-летию основания города в 1855 году около только что построенного вокзала (Rosenkranz, 1875). В качестве прототипа Христиан Раух предлагал скульптуру Канта, беседующего с Лессингом, в основании памятника Фридриху Великому в Берлине (1851). Вероятно, Розенкранц сам видел ее в мастерской скульптора в Берлине, будучи там недолгое время летом 1848 года на посту министра культуры. Кроме того, Раух видел Канта еще при жизни. Как известно, он и создал памятник, который, правда, ввиду различных обстоятельств, был установлен уже после его смерти в 1864-м, приблизительно там, где был садик при доме Канта (Malter, 1992, S. 17).

Среди учеников (студентов) Розенкранца, а также его коллег и преемников на кафедре философии в XIX веке, профессором-кантианцем никто не стал (Tilitzki, 2004, S. 193–194). Выдающийся кёнигсбергский кантовед Эмиль Арнольд (1828–1905) вследствие открытого высказывания своих левых политических взглядов и поддержке свободных религиозных общин не

мог стать профессором университета, и к тому же был не только знатоком и толкователем идей Канта, но во многом и их критиком. Родоначальник архивного кантоведения Рудольф Райке (1825–1905) работал в Королевской библиотеке Кёнигсберга, и не несколько лет как Кант, а почти всю жизнь. Еще один ученик Розенкранца Юлиус Вальтер (1841–1922) много рассказывал о Канте на лекциях и семинарах, но в собственных взглядах, как и Розенкранц, был гегельянцем (точнее, младогегельянцем). Гюнтер Тиле (1841–1910) не оказывал большого влияния на кёнигсбергских студентов. Людвиг Буссе (1862–1907) был популярнее и использовал идеи Канта в преподавании, но не принимал его теорию познания.

XX век: лекции, доклады, книги

Появилось ли что-то новое в популяризации Канта в Кёнигсберге XX столетия? Безусловно, да! Большими событиями стали годовщины 1904 и 1924 годов, столетие со дня смерти и двухсотлетие со дня рождения философа. Но это предмет для отдельного описания, а сейчас в первую очередь речь пойдет о явлении более специфическом и оригинальном, весьма далеком как от годовщин, так и от академической среды. Это деятельность *Рудольфа Брюкмана*.

Август Рудольф Брюкман (1858–1928) родом из города Велау²⁴ получил педагогическое образование и в различных школах Кёнигсберга прошел путь от учителя до ректора (Krollmann, 1936, S. 85–86). Всё это были так называемые народные и гражданские школы, которые готовили учеников к дальнейшему получению рабочих специальностей, а не к поступлению в университет. Параллельно с основной работой с 1900 года, он изучал в Альбертине философию, естествознание и историю искусств, в 1904-м защитил в Цюрихе диссертацию в области палеонтологии²⁵. Известен прежде всего публикациями в области школьной дидактики, образовательной политики, а также книгами о географии Восточной Пруссии²⁶.

Первая книга Брюкмана о Канте, точнее брошюра, появилась в 1918-м, в последний год Первой мировой войны. Впрочем, в том же самом году увидела свет еще одна небольшая работа почти такого же объема, значимая для биографического кантоведения, — «критические штудии» Карла Форлендера о первых биографах Канта (Vorländer, 1918). Конечно, время появления сыграло свою роль: обе книги напечатаны отнюдь не на лучшей бумаге. Брошюра Брюкмана имела название «Иммануил Кант. I. Его учение и жизнь». Очевидно, планировалось продолжение, и оно состоялось: первая и вторая части годом позже помещены в одной твердой обложке (Brückmann, 1919): «Иммануил Кант. Его учение и жизнь в популярном изложении доктора философии Р. Брюкмана. Общий объем 110 страниц, шрифт готический. Обе части состоят из текстов докладов, в первой книге темы следующие:

1. Докритические сочинения и «Критика чистого разума».
2. Учение Канта о морали и религии.
3. Учение Канта о государстве и эстетика.

²⁴ Ныне поселок Знаменск в Гвардейском районе Калининградской области.

²⁵ «Литовско-куршские фораминиферы Юрского периода».

²⁶ «О движении песка на побережье Замланда»; «Прибрежные течения юга и востока Балтийского моря»; «Замланд: путеводитель для путешественников».

Во второй книге «Иммануил Кант. Его учение в свете его великих современников» два доклада:

1. Кант — Гаман — Гердер — Боровски.
2. Кант — Гёте — Шиллер.

Предисловие к первой книге написано Людвигом Гольдштейном, председателем «Кёнигсбергского общества любителей Гёте» (*Goethebund Königsberg*), на этом стоит остановиться подробнее и процитировать начало:

Уважаемый господин доктор [философии],

Однажды — давно уже это было — вы пришли ко мне и спросили, не стоит ли переработать доклады о Канте, уже прочитанные Вами для узкого круга лиц, чтобы прочесть их большой аудитории кёнигсбергского общества любителей Гёте. Я, не долго думая, отнесся к этому с полным одобрением. Мне как председателю уже давно очень хотелось, чтобы значение Канта и суть его учения были представлены в форме, доступной для понимания простого человека, членом нашего общества, число которых уже давно превысило две тысячи. Кант сегодня для обычного жителя Кёнигсберга — это только имя или памятник. Наверное, каждый стоял хоть раз с неясным чувством глубокого уважения перед этим прекрасным памятником работы Рауха, который скорее спрятан в гуще Королевского сада, чем выделяется на его фоне. Однако если побеседовать с этими исполненными уважением людьми, то окажется, что имя КАНТ, высеченное на граните золотыми буквами, для большинства всего лишь пустой звук, как и многие другие имена. Пожалуй, всем известно, что льстивое имя «Город чистого разума», которое так охотно принимают его жители, имеет какое-то отношение к Канту, и что он «величайший сын Кёнигсберга»; но с этим величием связывают только самые общие представления о философе, который неким удивительным образом прославился своими несколькими «Критиками».

Когда в феврале 1904-го весь ученый свет отмечал столетнюю годовщину кончины бессмертного [философа], и парижане отправили в Кёнигсберг специального корреспондента, чтобы тот в отдельной статье²⁷ описал праздничные мероприятия, которые провел в честь Канта университет, — тогда я подумал, что настал подходящий момент, чтобы продвинуться к осуществлению моей мечты откупорить пару из тех семи печатей, за которыми все еще спрятана от современников таинственная книга с названием «Кант» (Brückmann, 1919, S. II — III).

Далее Гольдштейн рассказывает об одной попытке доклада о Канте в «Обществе любителей Гёте» («...излагал столь же популярно, сколь и научно»), и последующих поисках новых популяризаторов среди профессиональных философов и просто знатоков. Поиски были безуспешны, поскольку отрицалась сама возможность нарисовать за пару часов хотя бы

---

²⁷ Слово *Feuilleton* переводится также как «приложение к газете». Найти координаты этой публикации нам пока что не удалось. В указателе Kant-Bibliographie 1896 — 1944 (FaM., 2007) среди публикаций 1924 года, посвященных юбилею Канта, не встречается ни одного текста на французском, либо изданного во Франции. Помимо подавляющего большинства текстов на немецком, заметны статьи в итальянской и испанской периодике (около десятка в каждом случае), несколько публикаций в СССР, Польше, Аргентине и Бразилии, США, даже в Перу, но о подобных французских текстах составителям указателя ничего неизвестно, хотя теоретические статьи о философии Канта во Франции появлялись, например, три из них, 1924 года, указаны на с. 203, 206, 214.

пару контуров Кантовой системы. И тут выступил с инициативой тот, кого Гольдштейн знал как «сердечного друга народа и воспитателя», — Рудольф Брюкман. Однако доверие к нему было недостаточным, высокая оценка его педагогического таланта могла быть продиктована старой дружбой, и — за это автор предисловия очень извиняется перед автором книги — текст доклада был послан на ознакомление некому «эксперту», который ответил: «Да, приблизительно так, вполне допустимо! Школьный педагог справился с трудной задачей донести Канта народу, причем очень быстро». Докладами остались довольны как слушатели, которых было много, и в их числе также «очень образованные люди с другого факультета», так и организаторы, которые не ошиблись в том, насколько велика была потребность в таком мероприятии.

Существует и другая брошюра от Рудольфа Брюкмана «Жизнь и деятельность Канта» (Brückmann, 1925), имеющая, в полном соответствии с идеологической атмосферой 1924 года, подзаголовок «Посвящается немецкому народу и его молодежи» (рис. 10).

Рис. 10. Обложки брошюр Р. Брюкмана

По итогам Первой мировой Восточная Пруссия оказалась в непривычном полуэкславном положении, которое вместе с другими последствиями поражения, переносилось тяжело. Эйфория первых десятилетий единого германского государства сменилась депрессией и мрачными реваншистскими настроениями. В какой бы степени это ни было заметно в начале 1920-х в Кёнигсберге, 200-летний юбилей Канта стал событием не только и не столько философским, академическим, научным и культурным, сколько политическим и идеологическим: личность и учение Канта

были представлены как фундирующие и символические для немецкой культуры. Разумеется, юбилеи 1904 и 1924 годов были долгожданным событием для всех неокантианцев, ставших уже признанной философской школой. Но не менее верно и то, что праздничные мероприятия и публикации поощрялись постольку, поскольку укрепляли ощущение национального культурного единства, присутствия живых и возвышенных духовных традиций и веру в светлое будущее²⁸. Хотя это, разумеется, не афишировалось... но упомянутый подзаголовок помещен на обложке книги Брюкмана, и предворяет ее страница с посвящением — вступительными словами к молодежи.

Брошюра «Жизнь и деятельность Канта» напечатана, как и предыдущая, в издательстве Хартунга в Кёнигсберге. Объем около сотни страниц. Биографические параграфы «Родительский дом и первые детские годы», «Школа и университет», «Молодой ученый», «Преподаватель в университете», «Кант в обществе», «Закат и конец жизни»; между ними находятся параграфы о философии Канта: «Учение о нравах», «Учение о религии», «Кант и право», «Кант и искусство». В предисловии автор, теперь уже сам, рассуждает о том, насколько актуальны и влиятельны в современной ему жизни кантовские принципы и насколько мало при этом известен сам Кант. Приводятся примеры: доклад «Кант и искусство», который во время войны пожелал прочесть некий молодой ученый, но по причине почти полного отсутствия слушателей этого не произошло; вручение премии Писательского фонда в день памяти Канта 12 февраля 1923 года, которое не состоялось потому, что от студентов не поступило ни одной конкурсной работы; уничтожение дома и сада Канта в 1893-м, несмотря на то что они не мешали уличному движению. Этой плачевной ситуации Брюкман противопоставляет то, что было 100 лет назад, в первой половине XIX века: первые издания сочинений Канта несут следы интенсивного чтения и на обложках, и внутри поля их страниц заполнены пометками, вопросами и восклицаниями, «которые свидетельствуют, что ими пользовались не только ученые и студенты»:

Пожалуй, и образованные люди тогда жили в более простых условиях. Они вели более насыщенную духовную жизнь, которая прямо толкала их на то, чтобы изучать такие сочинения, которые повествуют о нашей душевной жизни, о наших обязанностях. Тогда еще меньше писалось, меньше печаталось, люди не были столь рассеяны» (Brückmann, 1925, S. 4–5).

Последнюю страницу брошюры занимает список рекомендуемой литературы о жизни и трудах Канта (в основном популярной и биографической), и рекомендуемых сочинений Канта. Туда включены доступные в то время собрания и отдельные издания сочинений Канта, интересен разве что первый пункт: «Популярные сочинения Канта» (1914) от Эрнста фон Астера.

---

²⁸ Другая книга, название которой также несет отпечаток атмосферы того времени, — «Кант и старый Кёнигсберг» (*Kant und Altkönigsberg*) Герхарда Карля (издана в русском переводе, ее электронная копия размещена на сайте Кант-онлайн по адресу URL: <http://kant-online.ru/?p=1374>).

Итак, первые издания брошюр Р. Брюкмана вышли в 1918 году, время прочтения докладов нужно определять точнее с помощью архивных источников, если таковые сохранились. Чуть позднее, к двухсотлетию Канта в 1924 году появились произведения *О. Шёндёрфера* (1860–1926), который также во многом является именно популяризатором. Мероприятия XIX–XX веков в память о Канте, а также кантовские юбилеи 1904 и 1924 годов – тема для отдельного рассказа, но сейчас обо всем по порядку: чем известен Отто Шёндёрфер? Родился он в Восточной Пруссии в городе Лабиау (ныне Полесск). В гимназии Кнайпхофа О. Шёндёрфер брал факультативные уроки английского у Эмиля Арнольда, одного из ведущих кёнигсбергских кантоведов, который и привил ему интерес к философии Канта (Schöndörffer, 1936). Изучал в университетах Кёнигсберга и Бонна классические языки, а с 1885 года, став доктором наук, работал во Фридрихсколлегиум. Вдобавок к основной работе и философским исследованиям, Шёндёрфер некоторое время был председателем вышеупомянутого «Кёнигсбергского общества любителей Гёте». После смерти Арнольда в 1905 году, Шёндёрфер издал собрание его сочинений и писем в девяти томах. В 1922 году под его редакцией вышла «Антропология...» в восьмом томе академического собрания сочинений Канта, а в 1924-м – переписка Канта в двух томах с примечаниями (в сумме около тысячи страниц, переизданы с обновлением в 1972-м). А первым значимым результатом его увлечения Кантом стал «бобовый доклад» на тему «Кантовское определение гения» 22 апреля 1893 года.

В 1924 году Шёндёрфер, помимо переписки Канта, опубликовал книгу «Жизнь и учение Канта» (Schöndörffer, 1924в) и брошюру «Фундаменты кантовской философии», а также три статьи в толстом выпуске «Философского альманаха» Райхля 1924 года, посвященном юбилею Канта: «Галантный магистр», «Неизвестные анекдоты о Канте», «Комната Канта в Кёнигсберге». Все статьи биографические. В 1924 году в Германии появился ряд книг о жизни и творчестве Канта, и сравнивать их друг с другом ввиду нехватки времени и

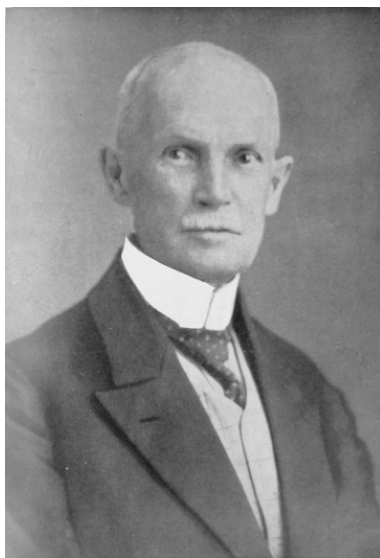

Рис. 11. Портрет Отто Шёндёрфера

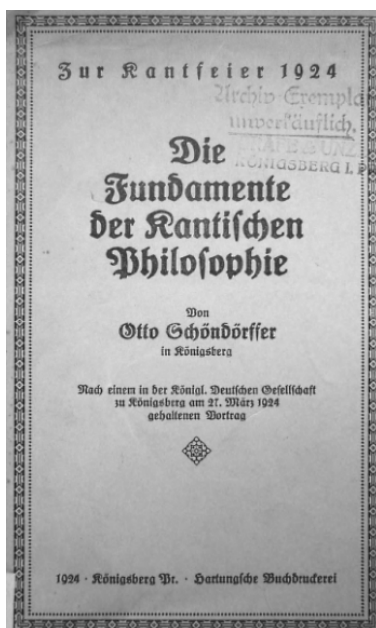

Рис. 12. Обложка брошюры Шёндёрфера «Фундаменты кантовской философии»

места мы не будем, к тому же такой анализ не может ограничиваться пределами Восточной Пруссии. А вот вышеназванной брошюре, на наш взгляд, стоит уделить внимание: она составляет вместе с титулом 12 страниц готическим шрифтом; как и в случае Брюкмана, этот текст создан на основе доклада, прочитанного автором 27 марта 1924 года в Королевском немецком обществе Кёнигсберга, а сама брошюра напечатана в издательстве Хартунга как приложение к «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг»²⁹ («Königsberger Hartungsche Zeitung») № 151 от 13 апреля того же года (Schöndörffer, 1924б). Фундаментальные принципы философии Канта излагаются, без критических интенций, в историческом и теоретическом контексте в трех частях, а в начале четвертой части, перед дополнительными общими размышлениями о нравственном значении этих идей, автор кратко напоминает о трех принципах, которые он выделяет как главные:

1. Окружающий нас мир — это мир явлений; о нем возможно достоверное научное знание.
2. Вера в сверхчувственный мир является строго обоснованной.
3. И если даже мы ничего не можем узнать о нем, категорический императив предоставляет безошибочную путеводную нить для наших действий, и посредством этого мы воплощаем сверхчувственный мир на практике (Schöndörffer, 1924б, S. 11).

После этих тезисов автор приводит стихотворение Канта, которое сегодня порой цитируется под названием «Поступки и вера» (*Tat und Glaube*), написанное в 1782 году в память об умершем коллеге³⁰ (AA, XII, S. 397). Вольный авторский перевод:

Рис. 13. Портрет Курта Штафенхагена

К чему ведет нас жизнь — нам не узнать,
Но все ж известно, что должны мы делать.
Ни смерти, ни беде надежды не отнять
У тех, кто верит, чтобы верно поступать,
И верно поступает, чтобы верить.

Язык брошюры нельзя назвать народным, ведь доклад был сделан для ученой, просвещенной публики, однако популярный характер, разъясняющий и убеждающий, целиком соблюдается. Сочинения Канта в этой брошюре цитируются по изданию Розенкранца и Шуберта.

Последняя большая веха в истории популяризаторской деятельности кёнигсбергских кантоведов — издание книги Курта Штафенхагена «Кант и Кёнигсберг» в 1948-м и повторно в 1949 году в Гёттингене (Stavenhagen, 1949). Уже позади было 12 февраля 1945, когда Кёнигсберг находился под обстрелом советской артиллерии, и последний кёнигсбергский «бобовый король» Бруно Шумахер с двумя «министрами» все же

²⁹ Эту газету в свое время регулярно читал сам Кант.

³⁰ По обычаю Альбертины того времени было принято сочинять стихи или прозу.

возложил венок на могилу Канта³¹ (Malter, 1993, S. 96). «Бобовое общество» довольно благополучно пережило времена национал-социализма, но война была обстоятельством непреодолимой силы. Однако 22 апреля 1946 года несколько членов общества, поселившиеся в Западной Германии, собрались в Гёттингене на скромный ужин³², инициированный юристом Фридрихом Хоффманом. Традицию решено было возродить, и в следующем году был определен первый послевоенный «бобовый король» — им стал Курт Штафенхаген (1884—1951), его речь 22 апреля 1948 года легла в основу книги (Stavenhagen, 1949, S. 3).

С Кёнигсбергом автора связывало только то, что в 1940—1941 годах он был там профессором философии и успел попасть в круг «друзей Канта». Родился Штафенхаген в немецкой семье, которая жила в Курляндии, школьные годы его прошли в Митау и Риге, затем он изучал философию в Гёттингене, защитил диссертацию в 1908 году, в 1909-м сдал государственный экзамен по греческому, латинскому и истории (BBL³³, S. 760). Затем десять лет учительской работы и участие в деятельности «немецко-балтийских партий»³⁴ Латвии (позже, до 1935 года — в органах самоуправления прибалтийских немцев). С 1923 по 1939 год работал доцентом, позднее — профессором философии в Институте Гердера в Риге. Тогда вышли его книги в духе времени: «Сущность нации» (1934), «Родина как смысл жизни» (1939), «Уважение как чувство солидарности и основа сообщества» (1941). После Кёнигсберга до 1945 года — Познань, далее короткое время — Гамбург и наконец — Гёттинген, оказавшийся его последним пристанищем. Названия его книг наводят на мысль о том, что этот автор, стоящий в ряду выдающихся кёнигсбергских кантоведов, может быть среди них одним из наиболее политически ангажированных³⁵, и поиски следов этого ангажемента в его книге о Канте — интересная задача. Пока ограничимся той оценкой, которая признана в современном кантоведении: ангажемент, если он и присутствовал, был далеко не однобокий.

Книга напечатана в довоенных традициях — готическим шрифтом. Содержит десять иллюстраций, среди них — вид Риги XVIII века, два разных вида дома Канта в середине XIX века, вид Кафедрального собора, общий вид и план Кёнигсберга, карта границ Восточной Пруссии и Курляндии около 1770 года.

Основные разделы:

- Кант и культурное пространство Кёнигсберга на востоке Германии.
- Кант и общество Кёнигсберга.
- Приложение: члены семьи Кайзерлинг, с которыми общался Кант.

³¹ Собор был разрушен пожаром в результате бомбардировки Кёнигсберга английской авиацией в конце августа 1944 года, но могила Канта уцелела, и это способствовало сохранению руин собора в советское время.

³² Ужин проходил в квартире университетского куратора Ф. Хоффмана. В условиях 1946 года с каждого участника собрали по пакету муки для торта. Среди участников был Н. Гартман (Malter, 1993, S. 96).

³³ По данным справочника *Baltisches Biographisches Lexikon*, <http://www.bbl-digital.de>

³⁴ Объединение нескольких центристских и одной правой партии, представленное в парламенте Латвии того времени как единая партия немецкого меньшинства.

³⁵ Наряду с убежденным социалистом Эмилем Арнольдом, подробный рассказ о котором находится за рамками темы этой статьи.

Рис. 14. Обложка книги
«Кант и Кёнигсберг»

Рис. 15. Знак Гёттингенской рабочей группы
на фронтисписе

Несмотря на небольшой объем, книга насыщена фактическим материалом, который подобран оригинальным образом. В предисловии автор отмечает, что к этой теме часто обращались (Stavenhagen, 1949, S. 3), и никаких принципиально новых результатов ждать не приходится, но он попытался с помощью незамеченных материалов, которые получены не без помощи своих коллег, в том числе из русскоязычных источников, сделать картину молодости и средних лет жизни Канта более яркой и насыщенной.

Не могу не отметить, как заявлял о себе Штафенхаген, что я в этой работе стою в определенной оппозиции к традиционному мнению о личности Канта. В основе его осознанно или неосознанно лежит образ пожилого философа на пике его жизненного пути, который чаще всего встречается в рассказах его современников. Таким его видят и в описаниях Боровского, Яхмана и Васьянского, что не вполне справедливо при том пиетете, с которым они выполнены. Результатом этого стало искажение сути личности Канта, например в статье Бруно Бауха (Kant-Studien IX), где Кант представлен карикатурно-поучительно как скучный педант, живущий согласно максимумам. В противовес всему этому, я выдвинул на первый план образ обаятельного магистра и молодого профессора, насколько возможно его воссоздать по скудным и немногочисленным сохранившимся свидетельствам (Stavenhagen, 1949, S. 4).

Как видно, по замыслу и содержанию книга близка статье Шёндрёфера «Галантный магистр»: молодость и середина жизни Канта даже после публикаций объемистых биографий от К. Форлендера и Э. Кассирера все еще оставались тем предметом, о котором можно было рассказать что-то интересное и в новой манере. Особо отметим страницы 14–27 в первом разделе, где рассказано о положительном влиянии русской оккупации 1758–1762 годов на жизнь Восточной Пруссии и лично Канта. Это описание было необычным, если не для историков, то по крайней мере для кантоведов (Круглов, 2013, с. 97). «Незамеченный материал» для него почерп-

нут, главным образом, в книге Х. фон Хазенкампа «Восточная Пруссия под двуглавым орлом»³⁶ объемом в пять сотен страниц, изданной в Кёнигсберге в 1866 году. «Империализм либерального царизма», «больше чем оккупация», «собираение земель» — так называет Штафенхаген политику новых властей. Кроме обычных для того времени контрибуций, вся система управления и штат служащих остались прежними; только налоги были заменены на российские. Елизавета хотела не столько завоевать население, сколько привлечь его, наставляла управлять этим краем так, чтобы «навсегда осталась память о нашем великодушии и нашей снисходительности» (Stavenhagen, 1949, S. 17).

Больше всего от этой политики выиграл университет: ему гарантировались хорошее обеспечение и свобода преподавания, а на юридический факультет были возложены даже некоторые высшие судебные функции. Ремонтировались укрепления, углубили морской канал, завершили реконструкцию юго-восточной части замка. Расцвела торговля. Перемены в жизненном укладе описаны колоритно и подробно: российские праздники, молитва за императрицу, вечернее чаепитие с самоваром. В старомодный город ворвалась «восточная свобода от предрассудков» и «пышный роскошный образ жизни». Российским офицерам были непонятны и чужды барьеры, стоявшие между тремя сословиями: торговцами, знатью и госслужащими, ученым сообществом. Профессоров стали приглашать в замок на официальные приемы и торжества. С уходом русских многое из этого нового уклада сохранилось, остались и экономические связи с Востоком, и роль города в миграционных потоках.

К чему все эти подробности? Политика оккупационных властей и либерализация общественных отношений, безусловно, в какой-то степени повлияли и на образ жизни Канта (включая и то, что российские офицеры хорошо оплачивали уроки, которые он им давал), и на его социальные, правовые и даже эстетические воззрения (хотя эмансипация женщин — можно иронично заметить — Канта не впечатлила). Вспомним, что до 1763 года он не касался напрямую тем практической философии. В переписке того времени молодые люди из круга его общения почти не упоминают войну. В Кёнигсберге со времен оккупации развилась духовная аристократическая культура, которая сделала его привлекательным пунктом на пути между Берлином и Петербургом, похожим на Митаву и Ригу. В этих трех городах на Востоке в ту пору побывали Гаман, Гиппель, Гердер. «Тоску по восточным далям» ощущал и Кант, хотя в том письме 1759 года, которое приводит в пример Штафенхаген, выражена она как-то неотчетливо и осторожно (АА, X, S. 18–19). В судьбе Канта это время отмечено также подачей прошения на занятие вакантной должности профессора в 1758 году. Успехом оно не увенчалось: решение в пользу более опытного Бука принял генерал-губернатор Корф в соответствии с мнением большинства членов сената университета (Stavenhagen, 1949, 19).

Курта Штафенхагена не стало в 1951-м, в том же году умер организатор ужина 1946 года Фридрих Хоффманн, основатель Гёттингенской рабочей группы (Объединение сотрудничества ученых из бывшей Восточной Германии). О том, что это отнюдь не было полным завершением истории кёнигсбергского кантоведения, следует подробнее рассказать в другом обзоре о работе с наследием Канта. Например, книга, подготовленная к печати

---

³⁶ Hasenkamp, Xaver von. Ostpreußen unter dem Doppelaar (нем.).

под редакцией Арнольда Ковалевски в 1944-м, увидела свет только в 2000 году. Отдельного рассказа заслуживает издание ежегодника Альбертины той самой Гёттингенской рабочей группой; разумеется, в этом принимали участие выходцы из Кёнигсберга, и статьи на темы жизни и философии Канта в этом альманахе тоже печатались. И если уж вести речь о послевоенных изданиях, то — напомним — сборники текстов «бобовых» и иных речей в память о Канте были изданы в 1974 и 1992 годах, а тексты двух речей А. Ковалевски — отдельными брошюрами в 1998-м.

Подведем итоги. Задача популяризации идей Канта среди населения Кёнигсберга и в философском сообществе Германии была актуальна, решалась разносторонне и в тесной связи с содержательной интерпретацией и биографическими исследованиями. Популяризаторская деятельность кантоведов сыграла важную роль как в истории философии, так и в культурной жизни Кёнигсберга. Если бы Й. Шульц не писал о «Критике чистого разума», то идеи Канта были бы восприняты несколько иначе, наверняка с опозданием, и становление кантианства в Йене проходило бы как-то по-другому. Если бы друзья Канта не создали свое сообщество, иной была бы судьба памятника философу и история архитектурного оформления его могилы, а также история издания собраний кантовских сочинений. Вряд ли будет преувеличением сказать, что «Общество друзей Канта» было важнейшим источником моральной поддержки и вдохновения для К. Розенкранца и Ф. В. Шуберта в их работе по изданию и сохранению наследия Канта. В свою очередь Розенкранц и Шуберт сумели пробудить интерес к Канту у Р. Райке и Э. Арнольда, подробный рассказ о которых относится к истории архивного кантоведения. Заметным событием для Кёнигсберга были доклады и публикации брошюр и статей Р. Брюкмана и О. Шёндёрфера, а книга К. Штафенхагена была опубликована уже в послевоенной Германии конца 1940-х. В этих работах предпринята попытка донести основы философии Канта до широкой публики города, а также изменить стереотипный образ личности философа, сложившийся у обывателя и в среде кантоведов. Таковы наиболее заметные лица и события этой истории, некоторые из которых непосредственно связаны друг с другом, что подтверждает тезис о существовании кёнигсбергского кантоведения как философского и культурного направления.

Список литературы

1. Гулыга А. Кант. М., 1977.
2. Воспоминания о Марксе и Энгельсе / под ред. А. А. Коротеевой. М., 1956.
3. Зильбер А. С. Кантоведение в Кёнигсберге как историко-философская проблема // Молодой ученый. 2014. № 4 (63). С. 785–790.
4. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб., 1997.
5. Круглов А. Н. Кант и «внутренняя колонизация России»: рец. на кн.: Эткинда А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России // Кантовский сборник. 2013. № 4 (46).
6. Круглов А. Рукописи Канта : интервью порталу «Kant-online». URL: <http://kant-online.ru/?p=1331> (дата обращения: 07.03.2014).
7. Круглов А. Философия Канта в России в конце XVIII — первой половине XIX веков. М., 2009.
8. Форлендер К. Общедоступная история философии. М., 2011.
9. Хорст Г. Кант как житель Восточной Пруссии. Речь на собрании Общества друзей Канта и Кёнигсберга 22 апреля 2009 года. URL: http://www.freunde-kants.com/rus/meeting/kant_ostter.html (дата обращения: 07.02.2014).

10. Хорст Г. Кант, Кёнигсберг и друзья Канта. Речь на собрании Общества друзей Канта и Кёнигсберга 22 апреля 2008. URL: http://www.freunde-kants.com/rus/meeting/kant_rede.html (дата обращения: 07.02.2014).

11. Шульц И. Разъясняющее изложение «Критики чистого разума» / пер. с нем. под ред. Б. А. Фохта. 2-е изд. М., 2010.

12. Borowski L. E. Darstellung des Lebens und Charakters Immanuel Kants // Wer war Kant? Drei zeitgenössische Biographien / hrsg. von S. Drescher. Pfullingen, 1974.

13. Brückmann R. Immanuel Kant. Sein Leben und seine Lehre. Volkstümlich dargestellt. Königsberg, 1919.

14. Brückmann R. Kants Leben und Wirken. Dem deutschen Volke und seiner Jugend gewidmet. Königsberg, 1925.

15. Butzlaff J. Rosenkranz, Johann Karl Friedrich // Neue Deutsche Biographie 22 (2005). S. 70–71.

16. Dietzsch S. Die Entdeckung des Deutschen Idealismus. Vortrag am Gottfried Wilhelm Leibniz Gesellschaft am 19. Mai 2005.

17. Gause F. Schulz, Johann // Altpreußische Biographie. Königsberg, 1936.

18. Jachmann R. B. Immanuel Kant geschildert in Briefen an einen Freund. Sechster Brief // Wer war Kant? Drei zeitgenössische Biographien / hrsg. von S. Drescher. Pfullingen, 1974.

19. Jakob I. H. Grundriß der allgemeinen Logik und kritische Anfangsgründe der allgemeinen Metaphysik. Halle, 1800.

20. Immanuel Kant zu ehren / hrsg. von J. Kopper und R. Malter. Frankfurt a/M., 1974.

21. Königsberger Kantiana // Immanuel Kant. Werke. Volksausgabe / hrsg. von A. Kowalewski. Hamburg, 2000. Bd. 1.

22. Kowalewski A. Vom Heimatgeist in der kantischen Philosophie. Festrede in der Königsberger Ortsgruppe der Kantgesellschaft zum 200. Geburtstage Kants / hrsg. von S. L. Kowalewski. St. Georgen, 1998.

23. Krollmann C. Brückmann, August Rudolf // Altpreußische Biographie. Königsberg, 1936.

24. Kroner, R. Von Kant bis Hegel : in 2 Bdn. Tübingen, 1921.

25. „Denken wir uns aber als verpflichtet...“ Königsberger Kant-Ansprachen 1804–1945 / hrsg. von R. Malter. Erlangen, 1992.

26. Malter R. Geselligkeit – Philosophie – Humanität. 180 Jahre „Gesellschaft der Freunde Kants“ // Jahrbuch der Albertus-Universität Königsberg. 1993. Bd. 28. S. 81–98.

27. Metz A. Darstellung der Hauptmomente der Elementarlehre der Kantischen Kritik der reinen Vernunft. Bamberg ; Würzburg, 1802.

28. Rosenkranz K. Das für Kant zu Königsberg projectirte Denkmal. Eine Ansprache, in der Kantischen Gesellschaft, an seinem Geburtstage, den 22. April 1852 // Neue Studien. Königsberg, 1875. Bd. 1. S. 34–45.

29. Rosenkranz K. Geschichte der Kantischen Philosophie // Kant I. Sämtliche Werke / hrsg. von K. Rosenkranz, W. Schubert. Leipzig, 1840. Bd. 12.

30. Rosenkranz K. Hegel als deutscher Nationalphilosoph. Leipzig, 1870.

31. Rosenkranz K. Vorrede zur gesamten Ausgabe // Kant I. Sämtliche Werke / hrsg. von K. Rosenkranz, W. Schubert. Leipzig, 1838. Bd. 1.

32. Rosikat A. Das Kant-Bohnenmahl 1914 // Königsberger Hartungsche Zeitung. Nr. 188, 23.4.1914, Abendausgabe, 2. Blatt.

33. Schöndörffer O. Schöndörffer, Otto Konrad // Altpreußische Biographie. Königsberg, 1936.

34. Schöndörffer O. Der elegante Magister // Reichs philosophischer Almanach auf das Jahr 1924. Immanuel Kant zum Gedächtnis / hrsg. von P. Feldkeller. Darmstadt, 1924a.

35. Schöndörffer O. Die Fundamente der kantischen Philosophie. Königsberg, 1924b.

36. Schöndörffer O. Kants Leben und Lehre. Leipzig, 1924b.

37. Schröpfer H. Kants Weg in die Öffentlichkeit. Stuttgart, Bad Cannstatt, 2003.

38. Schubert F. W. Immanuel Kant's Biographie: zum grossen Theil nach handschriftlichen Nachrichten // Kant I. Sämtliche Werke : in 12 Bdn / hrsg. von K. Rosenkranz, F. W. Schubert. Leipzig, 1840. Bd. 11, Abt. 2.

39. Schultz J. Erläuterungen über des Herrn Professor Kant Kritik der reinen Vernunft. Königsberg, 1784.
40. Schultz J. Prüfung der Kantischen Kritik der reinen Vernunft : in 2. T. Königsber ; Hartung, 1789–1792.
41. Schütz C. Königsberg, bey Dengel: *Erläuterungen* über des Herrn Professor Kant *Kritik der reinen Vernunft* von *Johann Schulze*, Königl. Preussischem Hofprediger (Rezension) // *Jenaische Allgemeine Literatur-Zeitung*. 1785. Nr. 162, S. 41–44; Nr. 164, S. 53–56; Nr.178, Nr. 179, S. 121–124, Nr. 179 (Beilage), S. 125–128.
42. Stark W. *Nachforschungen zu Briefen und Handschriften Immanuel Kants*. Berlin, 1993.
43. *Stavenhagen K.* *Kant und Königsberg*. Göttingen, 1949.
44. Tilitzki C. Zur königsberger Kant-Tradition im 20. Jahrhundert // *Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands*. 2004. Bd. 50. S. 191–287.
45. *Vorländer K.* *Die ältesten Kant-Biographien. Eine kritische Studie*. Berlin, 1918.
46. *Vorländer K.* *Immanuel Kant: Der Mann und das Werk*. 3. Aufl. Hamburg, 1992.

Об авторе

Андрей Сергеевич Зильбер — мл. науч. сотр. Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта, a-zilb@ya.ru

KANT STUDIES IN KÖNIGSBERG: 1784–1948

A. S. Zilber

The article provides, for the first time in the philosophical literature, a general description of the Königsberg Kant studies as a special local direction in the history of philosophy. Core activities in this direction formed the Society of Kant's Friends, as well as "archival Kant studies" – the work of collecting, annotating and publishing the manuscript heritage, correspondence and lecture notes Kant. Given the large volume of primary and secondary sources, we propose a variant of specification of structure of Kant Studies in Königsberg – four lines of activity: popularization; biographical research and publications; collection and publication of manuscript heritage and concepts of lectures; the interpretation and reception of Kant's ideas. Detailed presented is the history of the first line – popularization of Kants philosophy. The activities of K. Rosenkranz and Society of Kant's Friends, as well as history of creation of books of J. Schulz and K. Stavenhagen, articles, reports and brochures of R. Brückmann and O. Schöndörffer are described, their content is characterized. There are formulated some conclusions about the main value of this work for Kant studies, for the birth and development of the Kantianism, about the relationship of popularization with other lines of Kant studies in Königsberg, about cooperation of Königsberg researchers of Kant's life and philosophy with each other, and about continuity in their work. It is shown that the popularization work in all its forms has been conducted to date and the first to the last years of this trend, has played a major role in the emergence and development of other lines of activity. An author's translation of a number of fragments of the above publications. The prospects of the development of in-depth and detailed analysis of the described compositions, for which this article can serve as a reference point.

Key words: *Kant-research in Königsberg, popularization, the Society of Kant's Friends, K. Rosenkranz, J. Schulz, R. Brückmann, O. Schöndörffer, K. Stavenhagen.*

References

1. Gulyga, A. V. 1997, *Kant* [Kant], Moscow.
2. Koroteeva, A. A. ed. 1956, *Vospominaniya o Markse i Jengel'se* [Reminiscences of Marx and Engels], Moscow.

3. Zil'ber, A.S. 2014, Kantovedenie v Kjonigsberge kak istoriko-filosofskaja problema [Kant studies in Königsberg as a problem of history of philosophy], in *Molodoj uchjonij* [Young scientist], no. 63, pp. 785–790.
4. Kassirer, Je. 1997, *Zhizn' i učenje Kanta* [Kant's Life and Thought], Sankt-Petersburg.
5. Krouglov, A. 2009, *Filosofija Kanta v Rossii v konce XVIII – pervoj polovine XIX vekov* [Kant's philosophy in Russia at the end of XVIII c. – first half of XIX c.], Moscow.
6. Krouglov, A. 2013, Kant i “vnutrennjaja kolonizatsija Rossii” (rec. na knigu A.M. Etkinda *Vnutrennjaja kolonizacija. Imperskij opyt Rossii*) [Kant and «internal colonization of Russia» (Review of A.M. Etkind. 'Internal Colonization. Russia's Imperial Experience')], in *Kantovskij Sbornik* [Kant's Collection], no. 46, pp. 87–99.
7. Krouglov, A. 2014, *Rukopisi Kanta. Intero'ju portalu „Kant-Online“*, available at: <http://www.kant-online.ru/?p=1331> (accessed 07.03.2014).
8. Forlender, K. 2011, *Obshhedostupnaja istorija filosofii* [The popular history of philosophy], Moscow.
9. [Horst, G.] 2008, *Kant, Kjonigsberg i druž'ja Kanta. Rech' na sobranii Obshhestva družej Kanta i Kjonigsberga 22 apreļa 2008* [Kant, Königsberg, and Kant's Friends. Speech at a meeting of the Society of Friends of Kant and Konigsberg on April 22, 2008], available at: http://www.freunde-kants.com/rus/meeting/kant_rede.html (accessed 07.02.2014).
10. Horst, G. 2009, *Kant kak zhitel' Vostochnoj Prussii. Rech' na sobranii Obshhestva družej Kanta i Kjonigsberga 22 apreļa 2009* [Kant as a resident of East Prussia. Speech at a meeting of the Society of Friends of Kant and Konigsberg on April 22, 2009], available at: http://www.freunde-kants.com/rus/meeting/kant_ostter.html (accessed 07.02.2014).
11. Shul'c, I. 2010, *Raz#jasnjajushhee izloženie «Kritiki chistogo razuma»*, per. s nem. pod red. B.A. Fohta. 2-e izd. [Explaining exposition of “Critique of Pure Reason”, transl. by eds. B.A. Fokht. (second edition)], Moscow.
12. Borowski, L.E., 1974, *Darstellung des Lebens und Charakters Immanuel Kants*, in S. Drescher, ed. 1974, *Wer war Kant. Drei zeitgenössische Biographien*, Pfullingen.
13. Brückmann, R. 1919, *Immanuel Kant. Sein Leben und seine Lehre. Volkstümlich dargestellt*, Königsberg.
14. Brückmann, R. 1925, *Kants Leben und Wirken. Dem deutschen Volke und seiner Jugend gewidmet*, Königsberg.
15. Butzlaff, J. 2005, *Rosenkranz, Johann Karl Friedrich, Neue Deutsche Biographie*, Bd. 22, pp. 70–71.
16. Dietzsch, S. 2005, *Die Entdeckung des Deutschen Idealismus*. Vortrag am Gottfried Wilhelm Leibniz Gesellschaft am 19 Mai 2005.
17. Gause, F. 1936, Schulz, Johann, in *Altpreußische Biographie*, Königsberg.
18. Jachmann, R.B. 1974, *Immanuel Kant geschildert in Briefen an einen Freund. Sechster Brief*, in S. Drescher, ed. 1974, *Wer war Kant? Drei zeitgenoessische Biographien*, Pfullingen.
19. Jakob, I.H. 1800, *Grundriß der allgemeinen Logik und kritische Anfangsgründe der allgemeinen Metaphysik*, Halle.
20. Kopper, J. and Malter, R. eds., 1974, *Immanuel Kant zu ehren*, Frankfurt a/M.
21. Kowalewski A., ed. 2000, *Immanuel Kant, Werke, Volksausgabe*, by eds. W. Stark, S.L. Kowalewski, eds. 2000, Hamburg. Bd. 1.
22. Kowalewski, A. ed. 1998, *Vom Heimatgeist in der kantischen Philosophie. Festrede in der Königsberger Ortsgruppe der Kantgesellschaft zum 200. Geburtstage Kants*, St. Georgen.
23. Krollmann, C. 1936, Brückmann, August Rudolf, in *Altpreußische Biographie*, Königsberg.
24. Kroner, R. 1921, *Von Kant bis Hegel*, in 2 Bdn, Tübingen.
25. Malter, R. ed. 1992, *„Denken wir uns aber als verpflichtet...“ Königsberger Kant-Ansprachen 1804 – 1945*, Erlangen.
26. Malter, R. 1993, *Geselligkeit – Philosophie – Humanität. 180 Jahre „Gesellschaft der Freunde Kants“*, in *Jahrbuch der Albertus-Universität Königsberg*, Bd. 28, pp. 81–98.
27. Metz, A. 1802, *Darstellung der Hauptmomente der Elementarlehre der Kantischen Kritik der reinen Vernunft*, Bamberg ; Würzburg.

28. Rosenkranz, K. 1838, Vorrede zur gesamten Ausgabe, in K. Rosenkranz and W. Schubert, eds. 1838, *Kant I., Sämtliche Werke*, Leipzig, T. 1.
29. Rosenkranz, K. 1840, Geschichte der Kantischen Philosophie, in K. Rosenkranz and W. Schubert, eds. 1840, *Kant I., Sämtliche Werke*, Leipzig, T. 12.
30. Rosenkranz, K. 1870, *Hegel als deutscher Nationalphilosoph*, Leipzig.
31. Rosenkranz, K. 1875, Das für Kant zu Königsberg projectirte Denkmal. Eine Ansprache, in der Kantischen Gesellschaft, an seinem Geburtstage, den 22. April 1852, in *Neue Studien*, Königsberg, Bd. 1, pp. 34–45.
32. [Rosikat, A.] 1914, Das Kant-Bohnenmahl 1914, in *Königsberger Hartungsche Zeitung*, no. 188, 23.4.1914, Abendausgabe, 2. Blatt.
33. Schöndörffer, O. 1936, Schöndörffer, Otto Konrad, in *Altpreussische Biographie*, Königsberg.
34. Schöndörffer, O. 1924a, Der elegante Magister, in P. Feldkeller, ed. 1924, *Reichs philosophischer Almanach auf das Jahr 1924. Immanuel Kant zum Gedächtnis*, Darmstadt.
35. Schöndörffer, O. 1924b, *Die Fundamente der kantischen Philosophie*, Königsberg.
36. Schöndörffer, O. 1924в, *Kants Leben und Lehre*, Leipzig.
37. Schröpfer, H. 2003, *Kants Weg in die Öffentlichkeit*, Stuttgart, Bad Cannstatt.
38. Schubert, F. W. 1840, Immanuel Kant's Biographie: zum grossen Theil nach handschriftlichen Nachrichten, in K. Rosenkranz and W. Schubert, eds. 1840, *Kant I., Sämtliche Werke*, Leipzig, Bd. 11, Abt. 2.
39. Schultz, J. 1784, *Erläuterungen über des Herrn Professor Kant Kritik der reinen Vernunft*, Königsberg.
40. Schultz, J. 1789, *Prüfung der Kantischen Kritik der reinen Vernunft*, in 2. T., Königsberg.
41. Schütz, C. 1785, Königsberg, bey Dengel: Erläuterungen über des Herrn Professor Kant Kritik der reinen Vernunft von Johann Schulze, Königl. Preussischem Hofprediger (Rezension), in *Jenaische Allgemeine Literatur-Zeitung*, no. 162, pp. 41–44; no. 164, pp. 53–56; no. 178, no. 179, pp. 121–128.
42. Stark, W. 1993, *Nachforschungen zu Briefen und Handschriften Immanuel Kants*, Berlin.
43. Stavenhagen, K. 1949, *Kant und Königsberg*, Göttingen.
44. Tilitzki, C. 2004, Zur königsberger Kant-Tradition im 20. Jahrhundert, in *Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands*, Bd. 50, pp. 191–87.
45. Vorländer, K. 1918, *Die ältesten Kant-Biographien. Eine kritische Studie*, Berlin.
46. Vorländer, K. 1992, *Immanuel Kant: Der Mann und das Werk*, third edition, Hamburg.

About the author

Andrey Zilber, Research Fellow, Kant Institute I. Kant Baltic Federal University, a-zilb[at]ya.ru